

Ну и когда Фанчжэн услышал слова Линь Дунши, он покачал головой, даже, еще более страстно, решительно и сильно: “Этот Нищий Монах, вероятнее всего, не сможет сделать, что-то настолько важное. Что произойдёт, если этот Нищий Монах, облажается?”

“Послушайте, Почтенный Фанчжэн, я вас умоляю. Если и это не сработает, то я встану перед вами на колени, хорошо? Просто сделайте всё, что будет в ваших силах. Главное в такой роли, это двигаться вместе с окружением и следить за тем, что делают другие. (главное в такой роли, это чётко следовать сценарию и следить за тем, что будет происходить в округе) Ну и к тому же, уровень актёрского мастерства, который требовался для подобной роли, был совсем ничтожным.” — Линь Дунши, в очередной раз, солгал. Для того чтобы обманом, заманить Фанчжэна на то, чтобы он сыграл эту роль, Линь Дунши использовал практически все уловки из книги (он использовал почти все средства, что у него были в запасе).

Фанчжэн поспешно вытянул руки вперед, чтобы остановить Линь Дунши, когда он заметил, что тот уже собирался кланяться. Линь Дунши заметил такой вот факт, что Фанчжэн, начал хоть и чуть-чуть, но всё же, за него волноваться. Он понял, что у него появился шанс на успех и что он должен был, крепко ухватиться за эту возможность. Он изо всех сил, старался сейчас упасть на колени, но, к его нечестию, он осознал, что этот молодой монах, который выглядел совсем хрупким и слегка болезненным человеком, держал его такими руками, которые словно были сделаны из гранита. Неважно какое количество усилий, он сейчас и прикладывал, ведь рукам из гранита, на это, было просто плевать, и он с удивлением обнаружил, что он просто не мог упасть на колени! Линь Дунши был тут же встревожен: «Даже Ло Ли, не был настолько же способен, в физическом плане, как этот монах! Да, этот Фанчжэн и действительно, жуть какой уникальный человек!»

Ну и поэтому, Линь Дунши, теперь был еще более решителен в своей идее, в виде приглашения Фанчжэна на съёмки. Он начал упрашивать его разнообразными способами, как по манере, так и по форме. Но глубоко в душе, он чувствовал сейчас депрессию. “Небывалая Красотка” является фильмом-блокбастером; да и настолько огромным для их страны, что громадная очередь из людей, выстраивалась в длинную линию, на пробы крохотной роли – трупа какого-нибудь проходимца; так что уж говорить о роли с парой строк диалогов. Но теперь, он буквально упрашивал Фанчжэна, сыграть в их фильме... Если подобная информация, будет известна в мире, то возможно, остальные люди, скорее предпочтут смерть, чем поверят в такую абсурдную чушь. Ну и в то же время, Линь Дунши поклялся, что он никогда не будет упоминать об этом, никому... но моментом спустя...

Ван Югуй, просто, уже не мог терпеть этого Линь Дунши и того, как он сейчас, себя вёл: “Аббат Фанчжэн, почему бы вам, хотя бы не попытаться? Если у вас есть на это время, то просто думайте об этом, как о протягивании им, руки помощи. Если же, у вас нет на это времени, то просто забудьте об этом. Ведь с нашей помощью, они могут просто позабыть о подобных мыслях, в виде навязывания вам чего-то, силой.”

Ну и когда Фанчжэн это и услышал, он кивнул: “Очень хорошо. Тогда этот Нищий Монах, попробует себя в этом деле. Но для начала, этот Нищий Монах, должен всё прояснить. А именно: этот Нищий Монах и действительно не знает ничего, о актёрской игре.”

“Это нормально! Просто ведите себя так, как вы ведёте себя в повседневной жизни. Пойдём. Я приведу вас к режиссёру. Режиссёр объяснит вам, предстоящую для съёмок сцену.” — Линь Дунши почувствовал облегчение, когда он быстро повел Фанчжэна к Режиссёру Юю.

Юй Гуанцзэ очень сильно обрадовался, в тот же момент, когда он услышал, что Фанчжэн согласился на съёмки. Он полностью проигнорировал упоминание Фанчжэна о том, что он вообще ничего не знает, о актёрской игре.

Юй Гуанцзэ сказал: “Почтенный Фанчжэн, фильм что мы собираемся снять, имеет название «Небывалая Красотка». Это адаптация истории о Мулань*1, в которой она занимает место её престарелого отца, в армии. Вот скажите мне, какая женщина, была самой красивой в мире? Естественно, женщина-героиня была самой красивой! Вот в этом и была причина, названия данного фильма. Ну и сцена, которую мы сегодня будем снимать, является огромной сценой сражения. Ну и после этого сражения, на залитой кровью земле, будут лежать, лишь мёртвые тела. Ну и как единственный монах, на всю эту местность, вы будете проводить похоронные обряды, для всех погибших героев. Но затем, во время обрядов, вы обнаружите Хуа Мулань, которая всё ещё была жива. Ну и впоследствии, вы её спасёте, унеся её прочь. У вас будет всего лишь одна реплика, посередине данной сцены. Ну и так же, вам нужно будет декламировать священные писания. Ну и вы, это делали, лучше, чем кто-либо другой в этом месте, когда дело касалось именно священных писаний. В общем: вы будете декламировать священные писания, по всему пути похоронной процессии, затем вы спасёте Мулань и в конце концов, вы уйдёте. Вот настолько, это было легко!”

Фанчжэн, подумав об этой роли, и сам нашёл её довольно-таки простой, поэтому он должен был признать подобную информацию, ведь это была, лишь правда. Ну и к тому же, все в их стране, знали о легенде Хуа Мулань. Да и он сам, о ней, давным-давно, как слышал. Ну и когда, он всё ещё ходил в младшую школу, он даже запомнил её наизусть. Ну и в то же время, из объяснений Юй Гуанцзэ, он более глубоко осознал, что данный фильм, будет настоящей исторической картиной. Ну и центральной темой в этой картине, был именно патриотизм. Так же, одной из главных идей в картине, было то: как женщины могли за себя постоять. Данная историческая картина, так же покажет всю жестокость войны. Ну и основная идея фильма, была в том, чтобы войн на земле, было меньше. В общем: это был антивоенный фильм. Будь то в древние века, или же, будь то в наше время, война всегда была жестокой и беспощадной. Ну и те, кто страдал от неё больше всего, всегда были, лишь гражданскими лицами... Ну и с таким ходом мыслей и рассуждений в голове, у Фанчжэна больше не осталось никаких сомнений в том, что стоит ему сниматься или же нет.

Фанчжэн подумал: «Таким вот образом, я тоже смогу добыть кармической заслуги.»

Ну а на другой стороне съёмочной площадки, большая группа статистов уже была привлечена к работе и их заставили практиковаться. Они все “умерли” в разных местах. Ну и под руководством опытных статистов, деревенские жители быстро нашли свои места, для грациозного лежания “трусами”.

Ну и в этот самый момент, люксовое авто, заехало в деревню Одного Пальца.

Тань Цзюйго и его бухгалтер, Ян Пин, оставались в деревне, чтобы встретить это авто класса люкс. Они привели машину, на спортивную площадку младшей школы, перед тем как привести пару мужчин в костюмах, наверх на гору. Данные мужчины в костюмах, выглядели угрюмо, как если бы какие-то мысли в их голове, постоянно их донимали.

Ну и после того, как Тань Цзюйго попытался завязать с ними диалог, но был ими полностью проигнорирован, он перестал за них беспокоиться. Поэтому данная группа людей, поднималась на гору, в тишине.

Старый Тао уже ожидал их на горной вершине, и он заулыбался в тот же момент, когда он с ними и повстречался: “Генеральный директор Ху, Генеральный директор Чжао, прошу, вот сюда.”

“Тао Чэнь, я слышал, что у вас со съёмочной командой, возникла какая-то проблема?” — Спросил довольно-таки “пышный” и упитанный мужчина в очках, которые были обрамлены золотом.

“Нет, а что и действительно что-то случилось?” — Старый Тао слегка растерялся.

“Довольно. Тао Чэнь, прекрати паясничать и притворяться. Мы все слышали, что ветеран киноиндустрии – Учитель Сун Фэнгу, был госпитализирован.” — Резко проговорил другой мужчина, который был одет в обычную одежду, но те вибрации что он источал в округу, были ничуть не меньше, чем у Генерального Директора Ху.

Ну и когда Старый Тао это и услышал, он был ошарашен. Он проклял, все прошлые восемнадцать поколений предков того человека, который слил подобные новости. Но всё же, на его лице, даже и мускул, не дрогнул. Как говорить: он держал лицо прямым и неподвижным: “Генеральный директор Чжао, такое к несчастью и вправду произошло.”

“Ну, раз Старого Суна, тут на съёмках не будет, вот скажи мне, как ты сегодня, собираешься снимать эту сцену? Мы уже проделали этот огромный путь, до вершины горы и вот скажи мне, на что мы тут, будем сегодня смотреть? Мы тут что, были ради экскурсии, по горной вершине?” — Нахмурился Ху Сяо.

“Забудь об этом. С тобой было бесполезно, об этом говорить. Приведи меня к Режиссёру Юю и к Сюэ-ин.” — Сказал Чжао Хунсян.

Старый Тао в своём разуме, испустил явно невесёлый вопль. Он знал, что ему не хватало положения в обществе, чтобы говорить с этими “достопочтимыми” людьми. Из всей, их, съёмочной команды, единственными людьми, которые могли бы заставить этих двух толстосумов, спуститься с небес на землю и которые могли заставить их, обращаться с ними, именно любезно, были: Режиссёр Юй и Ли Сюэ-ин. В Китайской киноиндустрии, режиссёры были основой или же ядром. Инвесторы, в свою очередь, могли лишь играть на второй скрипке (были на вторых ролях). Ну и к тому же, Юй Гуанцзэ имел репутацию лучшего режиссёра, среди всех молодых режиссёров страны! Любой инвестор, должен был относиться к нему, лишь

с уважением. Ну и более того, Ли Сюэ-ин уже является международной суперзвездой. Поэтому никто не смел проявлять к ней неуважение.

Ну и вправду, эти два мужчины, которые на всём пути, сохраняли своё фригидное (ледяное) выражение на лице, заулыбались во весь рот, в тот же момент, когда они увидели Юй Гуанцзэ. Они громко рассмеялись: “Режиссёр Юй, давно не виделись! Ха-ха-ха...”

“Режиссёр, как ваше здоровье? В последнее время, вас ничего не беспокоит? Я недавно получил две бутылки отличного вина, которое хорошо прогревает организм. Давайте выкроем немного времени, чтобы им насладиться!”

Старый Тао, тут же закатил глаза, когда он это и услышал. Ну и вправду, люди ведут себя по-другому, когда они находятся с теми, кого они считают, равными себе. Поэтому, всё что он мог сейчас делать, это лишь тонуть в своей печали, где-то в стороне.

“Не пытайся провернуть на мне подобные фокусы. Разве ты тут не для того, чтобы давать критическую оценку, всем моим действиям?” — Улыбнулся Юй Гуанцзэ.

Данное дуо, было слегка ошеломлено ответом Режиссёра Юя. Ну и после этого, Чжао Хунсян начал раздавать сигареты(?): “Режиссёр Юй, ты же знаешь, что мы лишь представители компаний. Там в городах, всё ещё сидит кучка стариков, которые ожидают нашего отчёта. Но, если что-то, внезапно, случится на съёмочном пути... это всё, будет слишком сложно, с ними уладить.”

(?) Афоризм? Идиома? Мне неизвестно.

Юй Гуанцзэ улыбнулся: “Да и чего тут трудного, для улаживания? Не волнуйтесь. Даже если Дедушка Сун и не сможет поучаствовать в съёмках, я уже нашёл кое-кого чтобы его заменить. Я могу вам гарантировать, что вы увидите потрясающую сцену.” — И всё же, глубоко в сердце, у Юй Гуанцзэ явно не хватало уверенности в будущем. Он использовал эту фразу лишь для того, чтобы урегулировать текущую ситуацию.

“Ох? У Режиссёра Юя, были планы на чрезвычайные ситуации, и он уже давным-давно, как подготовил подходящую замену? Ха-ха-ха... Разве я не говорил? Что это лишь тривиальное дело. Оно вообще не смогло обескуражить Директора Юя, от слова совсем!” — Ху Сяо громогласно расхохотался.

Чжао Хунсян добавил: “Режиссёр Юй и вправду очень дотошный в своём планировании съёмки. Какой ветеран заменит Старейшину Суна? Поделитесь с нами.”

Юй Гуанцзэ тут же смутился, когда он про себя, начал проклинать: «Да кто это тебе, вообще тут говорил, что у меня был козырь в рукаве? Да кто это тебе, вообще тут говорил, что у меня был ветеран на замену? Кто блин вообще, в здравом уме, мог сказать подобные слова? Почему я вообще должен был организовывать замену, когда мой главный актёр, всё ещё был в полном

порядке? Тьфу блядь! Напыщенные морды!» — Ну и вместо этого, он им сказал: “Я боюсь, что мне придётся вас разочаровать. Я использую для съёмок, лишь новичка, чтобы таким образом, сделать небольшое cameo.”

“Пфффт!” — Ху Сяо, что только набрал полный рот воды, практически выплюнул, её всю. Он воскликнул: “Новичок? И к тому же, в cameo?”

*1 Хуа Мулань (кит. трад. 花木兰, упр. 木兰, пиньинь: Huā Mùlán) — героиня китайской поэмы, пошедшая на войну вместо своего престарелого отца, несмотря на то что в армию брали лишь мужчин. Поэма «Песнь о Мулань» была написана в VI веке, но первоначальная версия не сохранилась, в отличие от позднейшей версии в сборнике XII века, созданном Го Маоцянем. Был ли у Хуа Мулань реальный прообраз или нет, неизвестно.

Картина Хуа Мулань идёт на войну.

<http://tl.rulate.ru/book/17996/551392>